

Моск. новости. -1994. -26 июня -3 июля. -с. 36.

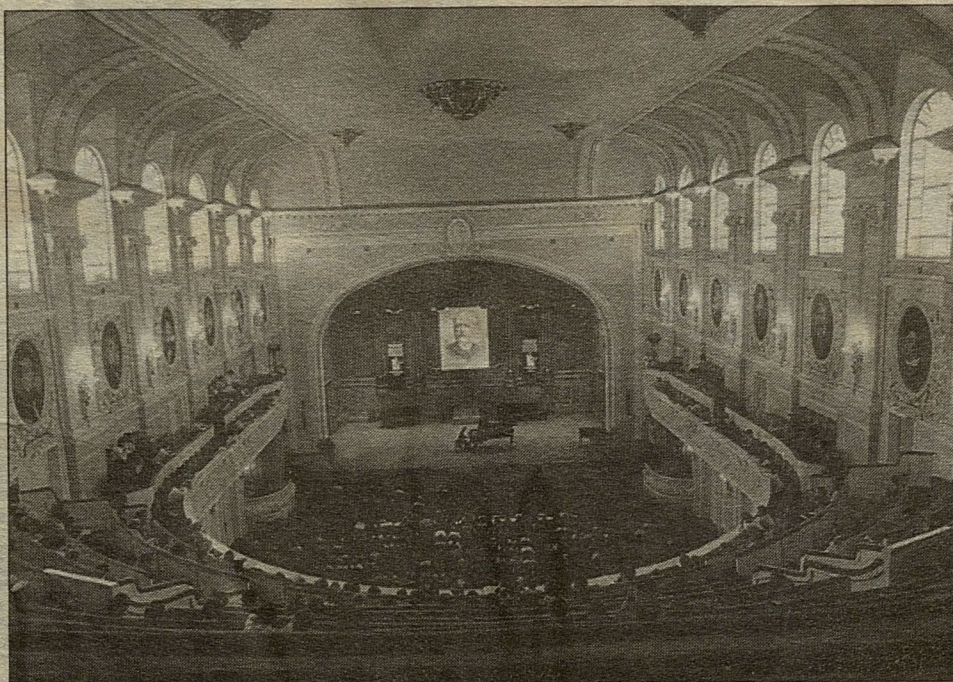
В отличие от спортсменов, музыканты-исполнители не любят соревнований и принимают их как неизбежное зло. Даже такие престижные состязания, как только что завершившийся конкурс им. Чайковского.

Виолончелист из Германии Вольфганг Шмидт объясняет это так: «Здесь я — это не я, а номер 51: мне приходится играть не для публики, а для жюри, которое меня оценивает. Единственный выход — не думать про конкурс, а просто играть как можно лучше».

Приговор жюри обсуждению не подлежит. Для нас же прошедший конкурс — это панорама исполнительских школ, редкая возможность раз в четыре года единым взглядом охватить «музыкальную карту» мира. Восторгаясь вновь открытыми талантами в «личном зачете», не забудем и о незримом состязании «команд», существующем неофициально, но от этого не менее интересном.

Необычайно представительна «команда» Азии. Выходцы из Японии, Китая и Кореи составляют около трети всех участников. Увлечение домашним музицированием в последние годы захватило едва ли не все образованное сословие этих стран, и вот результат: лавинообразный рост числа профессионалов. В «команде Азии» превыше всего ставится качество исполнения. Искусство в их глазах — это в первую очередь мастерство, умение или, говоря современным языком, квалификация. Глубина и оригинальность авторского замысла не столь увлекательны, ибо в силу национальной традиции они отнюдь не индивидуалисты. Культура Азии влечет к созерцательности, европейский психологизм чужд душе китайца, корейца или японца: их вдохновляют не человеческие страсти, но разнобразнейшая пластика тела, не исповедующаяся душа, но музыка природы — во всем они находят причудливое переплетение протяженных и прерывистых, тонких и плотных звуковых линий, напоминающих живопись Востока. Поэтому они совершенно иначе слышат музыку Чайковского и Брамса, Шопена и Рахманинова.

Музыкантам из Азии совершенно не свойствен грех уныния, быть может, потому, что они отвергают европейскую рефлексию. Там, где мы спрашиваем «почему?» или «зачем?», кореец или японец спросит «как, каким образом?». Путь от мысли к действию краток и прям. Виолончелист из США Феликс Фан может заразить радостной энергией любого мизантропа, а кореец Ен Гу Ли играет свою программу с мальчишеским азартом. Героем конкурса стал китайский пианист Зон У, которого после «Петрушки» Стравинского называют просто «весельчак У». Никакой условности или балаганного наигрыша — все всерьез: ужимки и кривляние, бешеный темп и давно забытая нами заразительная веселость. Иронический подтекст «мирскутника» Стравинского не понадобился «весельчаку У», кото-

Александр РАТНИКОВ

КОНКУРС

Командный зачет

рый восхищал публику акробатическими фокусами на рояле.

Старая Европа, судя по стилю игры молодых европейских музыкантов, с трудом переживает посланное ей «испытание богатством». Член жюри, английский пианист Джон Лилл говорит: «Конечно, достаток — это хорошо, но излишество губительно. Оно расслабляет. Вероятно, чтобы творить, нужно все-таки испытывать некое давление обстоятельств».

Если бы можно было вынести за скобки столь важные для конкурса различия в уровне одаренности и мастерства, то типичный молодой музыкант из Европы выглядел бы не слишком ярко. Все скучновато и усредненно: техника достаточна, но не поражает, звучание приятно, но не пленяет. Внутреннее напряжение, страсть, движение почти совершенно отсутствуют. Усталость и бледность, выдающие душевную лень, — вот господствующие «штрихи к портрету» молодого европейского маэстро. В отличие от подчиненных одному ранжиру аккуратных азиатов каждый европеец скучен по-своему: иной мнимо глубокомыслен, другой нарочито небрежен, третий не чужд салонного жеманства. Независимо от степени отпущенного Богом таланта европейцы утверждают свой идеал — свободу мысли и чувствовать в соответствии со своими убеждениями, нравятся

они вам или нет. Столь милый нашему сердцу европейский индивидуализм, из которого и родилась музыкальная классика, неизменно рождает натуры выдающиеся и незаурядные. Нынешний конкурс им. Чайковского не составил здесь исключения; фаустовская напряженность развития мысли, вечный поиск истины и отсюда динамика, устремленность вперед отличают виолончелиста Вольфганга Шмидта и пианиста Роберта Маркхэма, а любимец московской публики француз Тьерри Юйе поражает истинно европейской рафинированной красотой звучания, при этом лишенной какой-либо сухости или рассудочности. Говоря о современной Европе, он заметил: «Когда люди насытились материальными благами, они вдруг почувствовали внутреннюю пустоту и поняли, что заполнить ее можно только прекрасным: искусством, религией, философией... Сейчас намелится возврат к духовным ценностям, пусть сначала медленный и не слишком заметный».

В отличие от музыкантов из Азии с их культом мастерства молодые европейцы уповают на собственную неповторимость. Последние пять лет Тьерри Юйе провел в горах, вдали от суеты, общаясь с Богом и природой. Лишь год назад он вернулся к идее продолжить сольную карьеру, но при этом готов презреть внешний успех и более всего ценит свою не-

зависимость и возможность служить искусству.

Российская «команда», как всегда, представлена на конкурсе весьма полно, но, отвлекаясь от немногих ярких талантов, «групповой портрет» не радует взор. Российский участник прекрасно подготовлен. Педагог позаботился о выигрышной программе; техническое мастерство и культура исполнения в целом производят благоприятное впечатление: здесь нет ни наивности трактовок, порой встречающейся у музыкантов из Азии, ни нарочитой умозрительности, которой грешат некоторые европейцы. Все, казалось бы, на месте: и звук, и беглость, и грамотная интерпретация. Российские музыканты прекрасно знают, как надо играть, но за этим «надо» нет определенности творческих намерений или искренней увлеченности — лишь профессионально сыгранные ноты. Музыкант как будто в растерянности: он играет хорошо, но не знает, зачем. Высокий виртуозный уровень прикрывает пустоту.

Не слишком ли долго мы почили на лаврах, успокоенные высоким авторитетом российской музыкальной школы, который и сейчас поддерживают исполнители старшего и среднего поколения? Теперь этот авторитет все больше грозит вырождаться в педагогический: мы прекрасно умеем учить играть на инструменте, но, увы, не можем вырастить творческую личность. Прекрасным контрастом выглядят здесь педагогические принципы Тьерри Юйе, который говорит: «Даже в 10 лет ученик имеет собственные намерения, я лишь помогаю ему реализовать их».

Нынешний конкурс показал, что российской музыкальной школе, все еще сохраняющей свое лидерство, буквально «наступают на пятки» музыканты из Азии, которые в профессиональном плане уже готовы сравняться с нами; Европа по-прежнему сильно неординарными мыслящими личностями. Российская же «нота» прозвучала недостаточно выразительно: утратив характерные для нас когда-то теплоту, общительность интонации и сердечную глубину, молодые музыканты ничего не предложили взамен. В их игре слышится та же неуверенность и неопределенность, та же потеря почвы, которые мы сегодня ощущаем в литературе, живописи, кино...

Конкурс им. Чайковского показал, что возврат к истокам, поиск своего места в мировой исполнительской культуре нам предстоит не менее болезненный, чем в других областях творчества. Несмотря на обилие конкурсных наград, «командный зачет», включающий всех участников независимо от их успеха, предвещает «погоду на завтра»: переменная облачность с редкими прояснениями...

Дина КИРНАРСКАЯ

Конкурс им. П.И. Чайковского

26.6